

Философские основы трансцендентального (идеалистического) правопонимания

Philosophical Foundations of the Transcendental (Idealistic) Legal Understanding

Серегин А.В.

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
e-mail: andrei-seregin@rambler.ru

Seregin A.V.

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don)
e-mail: andrei-seregin@rambler.ru

Аннотация

Рассмотрены актуальные проблемы философско-теоретических начал идеалистического (трансцендентного) правопонимания. Автор считает, что духовно-нравственные ценности права взаимообусловлены правовыми принципами мудрости, любви, благости и витальности. Кроме того, в работе описывается механизм эманиции идеальных сущностей права в реальную (эмпирическую) жизнь посредством юридическо-философского благомыслия, юридического благословия (благого правотворчества) и юридического благодеяния (благой правореализации).

Ключевые слова: трансцендентальное правопонимание, духовно-нравственные ценности права, гнозис права, эманация права, право.

Abstract

Urgent problems of the philosophical and theoretical principles of the idealistic (transcendental) legal understanding. The author believes that the spiritual and moral values of law are mutually conditioned by the legal principles of wisdom, love, goodness and vitality. In addition, the paper describes the mechanism of the emanation of the ideal essences of law into real (empirical) life through legal and philosophical benevolence, legal benevolence (good law-making) and legal benevolence (good law-realization).

Keywords: transcendental legal understanding, spiritual and moral values of law, gnosis of law, emanation of law, law.

Правопонимание современной эпохи метамодерна [8], также как и предшествующих периодов исторического развития теоретической юриспруденции не может дать сколь либо устойчивого и неоспоримого понятия права.

Связано это, в первую очередь, с тем, что постижение природы права невозможно без поиска **истины**.

А поиски истины, во многом, обусловлены проблемами философско-правового характера, среди которых перманентно обсуждаемыми являются дискуссии о первопричинах правового регулирования общества и движущих началах эволюционного развития правопонимания. Так, еще в XI в. н.э. первый русский митрополит Иларион писал о проблемах, связанных с пониманием и соотношением Закона (Ветхого Завета), Благодати (Нового Завета) и истины (христианской веры), которые постепенно открываются человечеству посредством божественного откровения [16, с. 11–44].

Позитивистский взгляд на право, как на писанный закон, не выдерживает критики уже потому, что неразумно исполнять безумные предписания законодателя, если он требует нарушения естественного права, например, если допустить случай, при котором парламент или единоличный правитель признают паразитарный характер человечества и обязывают народ совершить коллективный суицид.

Идеи естественного правопонимания также рушатся о законы самой природы, в которой нет места состраданию, милосердию и прощению. В дикой природе безраздельно властвует сила и целесообразность, поэтому война, грабёж, разрушение и самопродажа человека в рабство (договор пехим в римском праве (ст. 1 табл. VI Законов XII Таблиц) [6, с. 5–15] или «закупничества» в древнерусском законодательстве (ст. 56 – 61, 64 Русской Правды (Пространной редакции)) [12, с. 130–139], и не столь важно каковы его национально-исторические названия в правовых памятниках иных народов) вполне соответствует не идеализированным реальностям натуралистического бытия.

Классовая теория, объясняющая сущность права в качестве возведенной в закон воли экономически и политически господствующего класса [11, с. 443], как нельзя лучше характеризует внутреннюю борьбу антагонистических слоев общества за лучшее место в пирамиде государственного управления.

Вместе с тем, люди в лице выдающихся мыслителей и учителей человеческого рода (Конфуция, Зороастра (Заратустры), Будды, Моисея, Пифагора, Платона, Аристотеля, Иисуса Христа, Мухамеда, И. Канта, Г. Гегеля, И.А. Ильина и др.) постоянно заняты смысловым поиском основных начал права [9, с. 4].

Процесс интеллектуального изучения метатеории права носит постоянный характер, так как результаты ментального познания юридических дефиниций вообще и понятия «права» в частности предполагают погружение в трансцендентальную реальность мирового духа Г. Гегеля, ноосферы В.И. Вернадского или идеального мира платоновских эйдосов.

Именно из области трансцендентального бытия посредством человеческого мышления происходит эманация духовно-нравственных ценностей, призванных возвеличить людей, оторвав их от животной природы дикого состояния невежества, грубости и жестокости. В данном контексте вполне резонно вспомнить рекомендацию Г. Гегеля, данную им тем, кто пытается постигнуть сущность права, высказанную им в предисловии к своему знаменитому труду «Философия права», в которой говорится: «так как мысль теперь поднялась на высоту существенной формы, то нужно стремиться понять право как мысль» [3, с. 19].

Эманация аксиологических, т.е. ценностных начал любого правопонимания строится на *идеи мудрости*, сущность которой как раз и состоит в жажде поиска высших начал Вселенского мироустройства.

Врагом любой мудрости являются религиозный догматизм, принудительная сила государственной власти, готовой не только подавлять инакомыслие мечом, но и покупать лояльность золотом и привилегиями, а также невежество толпы. Отвергая мудрость правопонимания, мы должны помнить, «что право не прощает, Право мстит за своё попрание» [2, с. 11].

На заре человеческой цивилизации религиозное сознание доминировало в качестве единственного пути, описывающего праведную и грешную жизнь людей. Постепенно канонические нормы накапливали ошибки, не подлежащие исправлению в силу их догматического характера, ибо пересмотр сакральных правил всегда чреват утратой веры в конкретный конфессиональный взгляд не только на правопорядок, но и на теологическое миропонимание в целом.

Поэтому, не случайно пророки изгонялись из своего отечества, иногда побивались камнями, а выдающиеся умы человечества (Ян Гус, Николай Коперник, Джордано Бруно и др.) горели на кострах инквизиции, проклинаемые их современниками.

Политика, усиленная мощью государственных силовых структур – армии и полиции, ищет не истины, а целесообразности, поддерживающей власть правителей. Вследствие этого, властвующие не выносят честной критики и стараются истину подменить идеологией – узаконенной формой благоприятной общественной иллюзии, удерживающей до поры до времени общество в состоянии неведения относительно его угнетённого положения.

Но самый опасный враг идеи мудрости правопонимания – это невежество толпы, которая требует распять Христа (невиновного человека) и отпустить Вараву (известного террориста). Образованного правителя можно убедить, толпу же бесполезно призывать одуматься, остановиться и вспомнить о высоком предназначении человеческого племени. Только долгий и кропотливый путь просвещения при направлении больших масс народа властвующими классами к высоким духовно-нравственным ценностям способен безликих и идейно нищих обывателей поднять до уровня ответственных граждан, полюбивших вкушать плоды, растущие на древе познания гнозиса правопонимания.

Гнозис права (от греч. γνῶσις – «знание») [15, с. 175], т.е. сокровенное, тайное, сущностное правопонимание из фундаментальной идеи мудрости, связанной с поиском истины, познаётся через эманацию духовно-нравственной идеи высшего вселенского мироустройства.

Важнейшей идеей права является любовь, но любовь не упрощённая в ошибочном понимании привязанности к чему-либо и не в инстинктивном желании удовлетворения сексуального влечения, а как альтруистическое желание принесения счастья конкретным людям и всему человечеству. **«Возлюби ближнего как самого себя»** (Евангелие от Матфея 22:39) – вот её главный манифест. Эта идея наделяет каждого человека ценностью в составе целого человечества.

Таким образом, аксеологическая значимость индивида возвышается до статуса **«творца»**, который сам есть любовь. В ст. 2. Конституции Российской Федерации [10] данная юридическая константа сформулирована следующим образом: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Из идеи любви рождается принцип гуманизма (человеколюбия). Эйдос правового гуманизма неотвратимо связан с социализацией правовых отношений путём установления гарантий пенсионного обеспечения, поддержания инвалидов, детей, обеспечением бесплатной и гарантированной медицинской помощи, предоставления жилья (крова) и т.д., т.е. установления социалистического правопорядка.

Идея гуманизма невозможна без постижения **эйдоса справедливости**, состоящем в гармоничном соотношении должного (служебного), запретного (уголовного и административно наказуемого) и допустимого (в области гражданского оборота и семейной организации) поведения. Следовательно, смыслопонимание права невозможно без древнеримского признания того, что оно есть, «наука о добром и справедливом» (ч. 1 Титул I О правосудии и праве Книга Первая Дигесты Юстиниана) [4, с. 157–598].

Проблема юридического понимания принципа справедливости дуалистически раскрывается в корреляции принципа равенства и привилегированного неравенства.

Древнегреческие пифагорейцы, последователем которых являлся Аристотель, юридическую справедливость градируют на два вида: 1) арифметическую и 2) геометрическую. Среди равноправных субъектов (например, мужчина-мужчина, свободный-свободный, воин-воин, учитель-учитель и т.д.) применялась формула арифметической справедливости, состоящая в принципе талиона, воздающего равное за равное. Неравные субъекты могут получить справедливость, используя геометрическую формулу привилегий, наказаний, прав и обязанностей, так как мужчина не может быть женщиной и рождать людей, младенец или малолетний ни обладает знаниями и разумом зрелого человека и т.д. [13, с. 77].

Исходя из этого, справедливость есть искусство гармонического согласования арифметического равенства равных и геометрического неравенства неравных [14, с. 303].

Принципы любви и гуманизма порождают **принцип милосердия**, предусматривающий возможность помилования, амнистии, применения условного наказания и даже возможность гуманного ведения войны без уничтожения не комбатантов, представителей «Красного Креста», врачей и т.д., оказание помощи военнопленным и жертвам военных конфликтов.

Человеколюбие невозможно если человек не любит в себе человека и не имеет самоуважения. Не любящий и не уважающий себя не будет уважать и любить других людей.

Принцип самоуважения порождает **эйдосы чести и достоинства личности**, которые ни при каких условиях не подлежат умалению, при этом каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени, о чём императивно свидетельствуют и нормы ч. 1 ст. 21 и ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации 1993 г.

Важно понимать, что принцип мудрости в праве логически коррелируется с принципом **разумности**, предполагающим развитие не только дефиниции «**дееспособности**» в гражданских правоотношениях, но и оценки **правового эйдоса свободной воли**. Хотя разум и расширяет пределы реальной свободы человека в материальном мире конечных сущностей, тем не менее антропная природа свободной воли, предполагающая способность осознанно выбирать индивидуумом различные варианты поведения, подтверждает вероятностный (квантовый) характер эволюции духа, находящегося между «молотом веры» и «наковальной эмпирического научного знания». «Живая (реальная) вера» невозможна без признания свободы совести и вероисповедания, а научное знание немислимо без академических свобод органически порождаемых свободой мысли.

Принцип разумности генерирует необходимость практического воплощения в ежедневную практику культурного общества принципа правового просвещения, открывающего дорогу к правопониманию широким слоям социума. Именно поэтому, в Древнем Риме во второй половине V в. до н.э. плебеи добились принятия Законов XII Таблиц [6, с. 5–15] в качестве рассекреченного сакрального права, ранее известного только жрецам. С этого момента римский гражданин обязан был знать их наизусть [5, с. 17].

Вследствие того, что мудрость правопонимания относится к духовной сфере – **эйдос правовой одухотворённости** базируется на признании иерархической подчинённости норм позитивного закона трансцендентальным духовно-нравственным ценностям права. Говоря словами В.В. Сорокина: «Буква закона детерминирует развитие общественных процессов в различных направлениях, а дух права одухотворяет эти процессы, удерживая их в границах Истины, Добра и Красоты» [17, с. 54].

Самопознание духа права в качестве этико-рационального самопознания осуществляется в реальности биологической жизни человека. Совмещая в себе духовное и животное-органическое начало, трансцендентальное правопонимание раскрывается в правовом принципе витальности (*от лат. **vita** - жизнь*), т.е. жизненности, который ориентирует позитивный закон на защиту и обеспечение условий, способствующих сохранению здоровья конкретного индивида, народа и всего человечества, а также увеличению численности рода кроманьонцев на земле [13, с. 9–10].

Телеология, т.е. целеполагание юридического толкования принципа витальности упирается в уяснение субъектом, исследующим природу права принципа установления мира, включающего в себя принципы всеобщей безопасности и предсказуемости (устойчивости) внутригосударственного и международного правопорядка.

В совокупности принципы права подчинены идеи благодати [7, с. 54], т.е. вселенской взаимозависимости, взаимодополняемости и полезности.

Механизм эманации ценностных начал права аналогичен авестийской триаде воплощения божественной правды Ахура Мазды на Земле путём персонального благомыслия, благословия и благодеяния [1, с. 14].

Соответственно, философско-юридическое благомыслие состоит в постижении гнозиса духовно-нравственных ценностных начал правопонимания, под которыми понимаются правовые принципы: мудрости, гуманизма, справедливости, милосердия, чести, достоинства, разумности, свободной воли, одухотворённости, витальности и благости.

Юридическое благословие (благое правотворчество) состоит в закреплении гностических принципов в позитивном (писанном) праве и юридической доктрине (философии права).

Юридическое благодеяние воплощается в реализации (соблюдении, использовании, исполнении и применении) духовно-нравственных ценностей права в повседневной жизни.

Литература

1. Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата / Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Коменского. – Москва: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясови, 1992. – 207 с.
2. *Алексеев С.С.* Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – Москва: Издательство НОРМА, 1998. – 416 с.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права // Сочинения. Т. VII. М., Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934. – 380 с.
4. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – Москва: Зерцало, 1997. – С. 157 – 598.
5. *Дождев Д.В.* Римское частное право. Учебник для юридических вузов и факультетов. – 2-е изд., изм. и доп. – Москва: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 784 с.
6. Законы XII Таблиц // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – Москва: Зерцало, 1997. – С. 5–15.
7. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса: монография / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. И доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 368 с.
8. *Зорькин В.Д.* Право мета модерна: постановка проблемы. Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (16 мая 2019 г.) URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-> (дата обращения: 07.10.2019 г.).
9. *Иванников И.А.* История философии права: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 280 с.
10. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета – Федеральный выпуск № 144 (8198), 4 июля 2020 г.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии /Собр. соч. 2-е изд. Т. 4 – М.: Государственное издательство политической литературы. 1955. – С. 419–459.
12. Русская Правда (Пространная редакция) // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права: учеб.пособие / авт. – сост.: канд. Юрид. наук А.В. Серегин, докт. филос. наук М.А. Черкасова. – М. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – С. 130–139.
13. *Серегин А.В., Васильев А.А.* История политических и правовых учений: учебник / А.В. Серегин, А.А. Васильев. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 488 с.